

УДК 94(470.67)

ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КУМЫКСКИХ ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ДАГЕСТАНА В XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Р. А. Атаев

Дагестанский гуманитарный институт (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

В статье рассмотрены земельно-правовые отношения в Мехтулинском, Бамматулинском и Эрпелинском феодальных владениях. Показана идентичность этих земельных отношений на общем фоне развития земельной собственности в других феодальных владениях Дагестана, в то же время отмечены их региональные особенности и формы проявления в указанных выше владениях.

This article deals with the land and legal relations which existed in Mekhtuli, Bammatuli and Erpeli feudal domains. The identity of these land relations is shown on the general background of the development of land ownership in other feudal estates of Daghestan; also noted are their regional features and forms of manifestation in the above-mentioned possessions.

Ключевые слова: феодальное землевладение, карачи-беки, владетель, владелец, чанки, сала-уздени, общинное земледелие, мюльки, сервитутное право, вакф.

Keywords: feudal land domain, Karachi-beks, owner, proprietor, chunks, sala-uzdens, communal land farming, mulks, servitude law; waqf.

Цель данной статьи – исследование земельно-правовых отношений в некоторых феодальных владениях Среднего Дагестана, в частности, в Мехтулинском, Бамматулинском и Эрпелинском, показать идентичность этих земельных отношений развитию земельной собственности в других феодальных владениях Дагестана, отметив в то же время региональные особенности и формы проявления в указанных выше владениях. Из исследуемых нами феодальных владений Эрпелинское и Бамматулинское были образованы в начале XVII в. в результате отделения от Шамхальства [1]. Эрпелинское владение состояло из селений Эрпели (резиденция владения), Ишкарты, Верхний Каранай, Нижний Каранай, Ахатлы. Владетели его назывались карачи-беками [2]. В состав Бамматулинского владения входили селения Большое Казанище (Нижнее Казанище) – резиденция князей, Малое Казанище (Верхнее Казанище), Муселим-аул, Буглен, Халим-бек аул, Кафыр-Кумух и Темир-Хан-Шура, являвшаяся в то время деревней [2]. Мехтулинское владение – ханство было образовано в середине XVII в. и включало в свой состав селения Большой Дженгутай (резиденция ханов), Малый Дженгутай, Дуранги, Апши, Ахкент, Оглы, Кулецма, Аймаки, Чоглы, Дургели, Кака-Шура, Параул, Урма [3].

В отечественной историографии существуют различные мнения о формах земельной собственности у народов Дагестана. Так, С.В. Юшков пишет о существовании трех видов земельной собственности: феодальной, феодально-общинной и общинной [4]. По мнению же Р.М. Магомедова, в большинстве дагестанских ханств имелись следующие виды землевладения: «1) Ханские земли. Земли эти принадлежали феодальному княжеству в лице хана; 2) Земли беков. Эти земли принадлежали беку, как частному лицу – вотчиннику; 3) Условные или военнопленные земли (земли, отдававшиеся ханами в качестве лена и бенефиций); 4) Мечетские земли (земли вакф);

5) Общественные земли и 6) Индивидуальные земли – мюльки, эти земли принадлежали узденям, а иногда и феодально-зависимым крестьянам [5]». В целом такого же мнения придерживаются Б.Г. Алиев [6] и А.С. Акбиев [7].

Рассмотрим каждую из форм собственности в отдельности. Крупное феодальное землевладение – это земельная собственность феодальных правителей, а также беков, получивших от первых в качестве членов их семей в наследственное владение и по завещанию населенные и пустопорожние земли. Данная форма земельной собственности охватывала все категории земельных угодий, в отношении которых их землевладельцы обладали полным правом собственности [7].

В изучаемый период одними из крупных феодальных землевладельцев были мехтулинские ханы, земельная собственность которых сложилась не сразу. Так, в начальный период управления Кара-Мехти все необходимое ему и находившимся при нем людям давало население. Однако со временем, когда стали известны годовые расходы его, «часть селений распределила между собой удовлетворение нужд правителя в виде определенных повинностей, а другие селения, менее достаточные, остались при одной обязанности выставлять по приказанию правителя вооруженных людей» [8]. Как отмечается далее в источнике, тогда же «народ предоставил Кара-Мехти в пользование некоторые участки общественных земель и пастбищных гор» [8]. В дальнейшем власть и права, предоставленные народом Кара-Мехти, переходили к его потомкам, которые смогли «значительно усилить и укрепить за собой эти права и, войдя в родство с домами шамхала и аварских ханов, начали сами именоваться ханами» [8]. В XIX в. мехтулинские ханы имели уже в собственности земли, названные в источнике как «наследованные от предков», т.е. те земли, которые получил Кара-Мехти от сельских общин после его приглашения в качестве правителя, и присоединенные последующими владельцами от земель сельских общин. Это кутаны (зимние пастбища), отдаваемые в аренду сельским обществам и частным лицам: Киры-Яр, Парахси, Ндакун, Саях-Ачи, Юхари, Аданак; горы, также отдаваемые в аренду летом: Алицулька, Оральцулька, Кульдузулька, Мага-Ураху, Шанки, Давабул-Меэр, Гумбет-тау, половина горы Барцани-меэр; «подгорные поля» Дженеки и Урута, которые отдавались в аренду под распашку и кошение; хутор Мархи в селении Кака-Шура, где хан имел собственное хозяйство (пашни и пастбища) [9, с. 48]. Также мехтулинским ханам принадлежали и две горы – Жахлабар-тау и Урма-тау, которые после их отстранения от управления российской властью в 1818 г. перешли во владение Султан-Ахмед-хана Аварского [9, с. 77]. В собственности мехтулинских ханов находились также земли, на которых было основано селение Апши (урочище Апши-Кала), и земли селений Ахкент и Чогли, что подтверждает переход выморочных земель жителей этих сел к мехтулинскому хану. Кроме того, мехтулинским ханам принадлежала и местность Завзан, переданная им жителями селения Охли [10].

Следует, однако, заметить, что в начальной период своей истории в исследуемых нами владениях феодальная земельная собственность была главным образом не столько личной отдельных феодалов, сколько «фамильная», т.е. родственных групп. Как писала Е.Н. Кушева, «форма шертования удельных кумыкских владельцев – за себя, за братью и за детей – убеждает в том, что в кумыкских юртах – ханствах владели совместно большой семьей группы родственников. После смерти правителя феодального владения оно переходило без раздела к его братьям, сыновьям и их потомкам; главенствовал старший сын или брат, занимавший особое место в семье еще при жизни брата правителя [11]. Это можно проследить по следующему документу. Так,

в феврале 1637 г. в отписке в Посольский приказ терский воевода князь В.Г. Ромодановский писал, «...что учинились вновь тебе, великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси, в холопстве Кафыр-Кумыкские земли кумыкского шевкала Андреева дети Багома-Мурза з братьею, и з детьми, и з племянниками, и со всею своею Кафыр-Кумыкскою землею и шерть учинили» [12]. В источнике отмечается, что нераздельное владение вплоть до конца XVIII в. было присуще и Мехтулинскому ханству. Лишь после смерти Умы владение хана стало делиться на уделы между его наследниками [13].

Однако с дальнейшим развитием феодальных отношений этот фамильный принцип владения землей постепенно уступает место индивидуальному, частносемейному, т.е. личному владению. Бекское феодальное землевладение образовалось вследствие дробления крупного феодального землевладения и являлось одной из ее форм. Бек мог получить в собственность часть владения феодального правителя исходя из своей принадлежности к его семье [14, с. 28–31]. Так, в частности, «мехтулинские ханы для материальной поддержки своих родственников-беков давали им свободные земельные участки, кутаны и ятаги и населенные земли, с которых беки могли получать следовавшие прежде в пользу владетелей, доходы и повинности» [14, с. 33]. В. Линден писал, что «вместо того, чтобы вознаграждать служащих определенным жалованием, ханы и другие владетели наделяли их правом обращать в свою личную пользу все натуральные и денежные поступления с поселян известного округа. На первых порах это право всецело связано со службой и прекращается вместе с ней, но так как со временем служба становится не только пожизненной, но и наследственной, то и право на поселянские повинности и сборы приобретает характер наследственного пользования» [15].

Крупными землевладельцами были и карачи-беки. Земельная собственность карачи-беков образовалась не только в результате перехода ее по наследству, но и получения земель от феодальных правителей Дагестана. Так, эрпелинские карачи-беки имели в собственности и земли, полученные от шамхала. Согласно преданию, эрпелинский владетель Будаичи, простивший шамхала за покушение на свою жизнь, получил от него земли, простиравшиеся от Огюзтау до р. Койсу, а на плоскости – до местности Атлан. Сюда входили и кутаны: Чубар-Арка, Кудуш, Чумегу – до самого Чирюрта. Позже на этой территории возникли селения, вошедшие в состав Эрпелинского феодального владения [16]. За оказанные услуги эрпелинскими владетелями шамхалу последний подарил им и земли в направлении к Темир-Гою, носящую общее название Башлар [17]. По сообщению жителей Кафыр-Кумуха, «они были подвластны бекам иного рода, не из рода шамхалов». «Наше селение служило им за пользу, которую приносили они, управляя нами и помогая чем могли по адату». Кафыр-кумухские карачи-беки владели участками земли в этом селении. Это подтверждается правом бека принять в селение постороннего и выделить ему участок земли для ведения хозяйства [18]. В собственности карачи-беков Кафыр-Кумуха находились кутаны: Верхний Чипчак, Нижний Чипчак, Верхний Чубурча, Нижний Чубурча, Сунку-кутан, Ах-Тобе, Чубар-арка, Кизил-булак [9, с. 76]. В собственности кафыр-кумухских карачи-беков находились также горы Кашавка, Нуцал-тау, Татархан-тау, Аликлич-тау, Ургели-тау, Кадани-тау и Сепитау, которые вместе с указанными выше кутанами и Бамматулинским уделом поступили во владение шамхалов по предоставлению от русского правительства в 1818 г. [9, с. 76–77], после отстранения бамматулинских беков от управления.

Важно подчеркнуть, что наличие в собственности крупных земельных угодий и находившихся на них деревнях определяло как экономическую так и политическую мощь того или иного владельца среди других дагестанских феодалов. Примером этому может быть Андий-шамхал, который, как указывается в источнике, сидел в своем кабаке «никем» в то время как другие кумыкские владельцы – тарковский, буйнакский, таркаловский и др. вели активную политическую деятельность, как об этом можно судить из русских источников начала XVII в. [19]. М.У. Гусенов считает, что «в работах по истории Дагестана, в том числе Кумыкии, нередко проходят неточные термины и выражения как следствие неправильного понимания старорусского языка первоисточников. Так, довольно часто вместо слова «владелец», т.е. суверенный феодал, правитель, проходит слово «владелец», т.е. собственник. Так писали в старорусских текстах, но в современном понимании это – разные термины... Князьями называют всех беков, хотя русские князья – это владельческие феодалы – сюзерены больших феодальных владений, в то время как бек, тоже феодал, нередко таких владений не имел» [20, с. 13–14]. «По этой причине русские власти среди многих князей кумыков в качестве князей признавали только две фамилии Тарковских и Бамматулинских», – отмечает М.У. Гусенов [20, с. 14].

Состав поселян, подвластных беку, состоял из класса: чагаров – рабов, раятов – крестьян и узденей значительно отличающихся между собой по социальному статусу. Чагарами называли рабов, отпущенных на поселение на бекских землях и ведения отдельного своего крестьянского хозяйства [21]. Раятами называли крестьян, живущих на бекских землях, платящих за право пользования землей повинности и лишенных права перехода из одного селения в другое [21].

В селениях Параул, Дургели, Верхнее Казанище была развита денежная раятская повинность [22]. Вообще же повинность зависимого населения в пользу беков личной работой состояла в выполнении основных сельхозработ, таких как распашка бекских земель, жатва, уборка хлебов и сена, молотба, доставка зерна на мельницу и на дом беку, доставка сена с поля на дом беку, исправление и очистка бекских оросительных каналов, поставка ароб для надобностей бека и т.п. [22].

В класс узденей входило так называемое свободное крестьянское население, живущее на землях, принадлежащих бекам, с правом наследственного пользования этими землями, но обязанное за это платить подати и нести трудовые повинности [23]. Юридически за узденями признавалось право свободного перехода от одного феодала к другому, но это было связано с лишением узденя части имущества. Если кто-либо из узденей уходил добровольно к другому феодалу, то он должен был оставить своему прежнему владельцу в неприкосновенном виде все свое недвижимое имущество – дом, хозяйственные постройки и т.д. Феодалы не обладали правом наказывать своих узденей, но могли изгнать их со своей земли, лишив ранее предоставленного им имущества [24]. По словам П.В. Гидулянова, «размеры податей и повинностей зависели от различных причин, как-то характера населения, силы и могущества бека и т.п.» [25].

По своему положению вслед за беками находились чанки. Чанками называли детей князей, рожденных от браков с представительницами низших сословий. Чанки делились на две категории: чанки-беки и простые чанки. «Те из них, которые непосредственно происходили от шамхалов, ханов, уцмиев и беков, а равно потомки таких чанков, рожденные от матерей не простолюдинок, но чанков же, – носили

название чанки-беков и по отношению к доставшейся на их долю в упомянутом выше порядке части отцовского имущества пользовались теми же правами, как и беки «чистокровные», т.е. также получали повинности с поступавших в их управление зависимых поселян, также передавали свои имущественные права по наследству и пр. Потомство же чанки-беков, происходившее от браков их с женщинами низшего происхождения (гумма), именовались просто чанками и ему, по большей части, никаких бекских прав не присваивалось», – писал В. Линден [26]. Не имея в своей зависимости поселян, чанки последней категории владели на правах узденей в составе свободных сельских обществ участками земли и наравне с прочими жителями этого селения пользовались общественными угодьями [26].

У чанков, как и у беков, наследование «недвижимым именем» происходило по адату. Беки получали свои земли по наследству – «назру» [27]. В ряде случаев также и чанки владели на правах собственности лишь землей, переданной отцами по «назру» [28]. Согласно источникам, «за владельцами всегда было право дарить земли по их усмотрению в потомственное или пожизненное владение», каждый владелец недвижимого и движимого имущества может передавать по назру кому хочет, минуя прямых наследников мужского пола» [27].

Согласно адатам карачи-чанков в с. Нижний Каранай, если кто-либо из членов этого тухума умирал, не оставив детей мужского пола, то его земля переходила, по бекскому адату, к старшему в этом тухуме. Назру же, совершенный умершим, действителен был только в том случае, если делался с ведома старшего в роде. Однако карачи-чанки селений Эрпели и Гелли имели право отдавать по назру женам и дочерям свои кутаны, горы и другое имущество [29].

Вообще же феодальная земельная собственность неуклонно росла за счет захвата ханами и беками земель, находящихся в общинной и индивидуальной собственности [30].

Надо отметить, что беки захватывали не только земли, находящиеся в границах своих владений, но и расположенные за их пределами. Так, в конце XVIII в. в Салатавии было 5200 десятин земли, составлявшие собственность кумыкских феодалов. Эти земли были захвачены ими у салатавских общин начиная с XVII в. вплоть до 20-х гг. XIX в. [31]. Д.-М. Шихалиев отмечал, что кумыкские князья и уздени имели в Салатавии лучшие во всем Дагестане пастбищные горы, которые они отдавали летом на откуп для пастьбы баранов салатавцам, ауховцам, гумбетовцам, койсубулинцам и даже акушинцам, имея с этого большой доход [32]. В Салатавии на правах собственности пастбищными горами Большой Салатау и Малый Салатау владели и бамматулинские беки. Впоследствии эти горы перешли к шамхалам [9, с. 76].

С присоединением Дагестана к России царизм не только сохранил, но и усилил власть феодальных владетелей, о чем свидетельствует и приказ главнокомандующего на Кавказе Ермолова «узаконено, чтобы каждый владелец земли своей пользовался оной без всякого разбирательства». Усиление гнета феодалов приводило порой к крупным крестьянским восстаниям, которые в начале XIX в. прошли в ряде феодальных владений, в том числе и в Мехтулинском [34].

Иногда колониальная власть, опасаясь народных восстаний, старалась найти компромиссное решение между владетелями и простыми жителями. Так, вследствие жалоб жителей ряда мехтулинских и бамматулинских деревень на увеличение Мехти-шамхалом в отношении них повинностей и введение новых налогов тот же Ермолов в 1824 г. дал Мехти-шамхалу следующую бумагу: «...Желая точным образом опреде-

лить прежние права жителей деревень, в 1820 г. по распоряжению моему, учиненному священным именем великого могущественного государя, поступивших во владение Вашего превосходительства, и повинностей, которые обязаны они отправлять в пользу прежних своих владельцев, приказал я принести оные в известность через лучших и почтеннейших старшин селений: Параул, Дургели, Кака-Шура, Урума, Большие Казанищи и принадлежащих к сему последнему деревень. Составленное описание прав и повинностей препровождая к Вашему превосходительству, прошу со стороны Вашей сделать распоряжение, чтобы чиновники, определяемые к управлению оными, под опасением строгого взыскания нарушать оные они не осмеливались» [9, с. 46]. В отношении вышеперечисленных селений следует отметить, что они были переданы во владение Мехти-шамхала после изгнания их бывших владетелей Султан-Ахмед-хана-Аварского и Гирея Бамматулинского за оказанное ими вооруженное сопротивление войскам генерала Ермолова во время его прибытия в Шамхальство Тарковское в 1818 г. [35].

К одному из видов феодального землевладения, существовавших у кумыков в исследуемый нами период, относится и землевладение сала-узденей, которых все исследователи причисляют к феодальному сословию [36].

Надо отметить, что сословие сала-узденей было характерно для Засулакской Кумыкии. В шамхальстве этих узденей называли уллу-узденями [37]. Категории сала-узденей и уллу-узденей были известны по терминологии русских источников XVI–XVII вв. как «лучшие владетельные уздени» и относились к первостепенным узденям. В документах того времени имеется упоминание о «кабаках» (деревнях), принадлежавших первостепенным узденям, в числе которых упоминается и «кабак» Шурани (деревня Темир-Хан-Шура. – *А.Р.*), где правил уздень Темирхан, «кабак» Какаштура во главе с узденем Бурунчи и т.д. [38]. Эти уздени владели поземельной собственностью и как землевладельцы пользовались одинаковыми правами с беками и с чанками [39].

«Первостепенные уздени, – писал С.В. Юшков, – владели землей на праве собственности: эту землю они приобретали или по наследству, или по дару. Они отдавали свою землю феодально-зависимым крестьянам, чагарам, раятам или обрабатывали ее при помощи рабов. Они были свободны от всяких повинностей» [40]. Следует отметить, что сословие сала-узденей делилось на две группы. Наличие больших земель в руках первостепенных узденей ставило их в ряды политической элиты в феодальных владениях, о чем свидетельствуют и документы. Так, в 1645 г. вместе с Багамат-мурзой кафыркумухским на верность русскому царю присягали и его первостепенные уздени, после чего их имена вместе с именем Багамат-мурзы были занесены в шертовальные книги, которые терские воеводы отправили в Москву к русскому царю [41]. Очевидно, что здесь говорится о представителях первой группы первостепенных узденей. Что касается второй группы первостепенных узденей, то она состояла из прослойки дворян, возникшей из когда-то служилых людей, т.е. из бывших нукеров, свиты феодалов и других преданных приближенных лиц [42, с. 187].

Другой формой феодального землевладения было условное, или временное землевладение, образовавшееся в результате земельных пожалований. Этот вид землевладения имел многовековую историю и был вначале связан с несением военной или придворной службы. Издавна кумыкские владетели награждали землей своих вассалов – нукеров и узденей. Нукеры, большинство из которых состояло из сала-узденей,

получали от кумыкских владетелей земли, рабов, оружие и пр. Им давались населенные земли, оросительные каналы и т.д. Такой тип землевладения возникал и за счет земель, дарованных местной феодальной и узденской верхушке царским правительством на определенных условиях [42, с. 215–216].

Выше уже говорилось об условных, или военноленных землях как о землях, отдававшихся ханами в качестве лена и бенефиций. В кумыкских феодальных княжествах лен и бенефиций был известен под словом «назру». «В Кумыкские земли дарились по назру «на вечные времена» или во временное пользование. Кумыкские князья дарили земли по назру сала-узденям, эмчекам (молочным братьям), аталыкам (воспитателям своих детей) и прочим лицам» [43]. Однако получившие земли на правах условного владения не имели права переселять с места на место поселян (чагаров, теркеменцев и т.д.). Им предоставлялось лишь право пользоваться податями и повинностями, получаемыми ранее владельцем. Различны были и сроки условного владения: земли с проживающим здесь населением давались как на пожизненное пользование, так и на несколько лет. В случае же нарушения условий службы салаузденем или нукером владелец мог в любое время лишить его всех привилегий и отобрать землю [44]. Следует отметить, что ленные отношения в Дагестане имели свои специфические особенности. Так, Р.М. Магомедов писал, «говоря о лене (т.е. назру в Дагестане) мы не можем не обратить внимания на то, что ленные отношения в ханствах далеко не совпадали с теми ленными отношениями, которые наблюдались в Западной Европе в эпоху феодализма. На западе феодал – землевладелец отдавал вассалу земли на определенных условиях. Условная дача в жалование земель практиковалась и в России. В дагестанских ханствах же в роли своеобразного «вассала» выступает не одно лицо, а целый коллектив, т.е. сельская община и иногда вольное общество» [45, с. 388]. «При ленной системе внутри ханства хан жаловал землей отдельные узденские джамааты, сохранившие свое общинное устройство и самостоятельность населения, каковых в ханствах было много» [45, с. 388]. «В то же время, – отмечал далее Р.М. Магомедов, – нельзя смешивать земли, находившиеся по ленному праву в распоряжении отдельного вольного общества или джамаата, с землями, находившимися во владении феодала-бека по тому же ленному праву. Шамхалы и ханы мехтулинские для обеспечения своих родственников-беков и др. в материальном отношении давали им свободные земельные участки (кутаны и ятаги) и населенные земли, с которых беки могли получать доходы» [45, с. 389].

За пользование бекскими землями жители сельских обществ платили подати и отбывали повинности. Так, жители селений Верхнее Казанище и Кафыр-Кумух платили в пользу беков подать в размере 1 руб. с дыма [46]. Жители же селения Эрпели работали в пользу беков 4 дня, тогда как в селении Бет-аул (квартал с. Нижнее Казанище. – А.Р.) на беков работали 2 дня [46]. Помимо этого жители указанных селений обязаны были по требованию беков сопровождать их в поездках [46].

К условному землевладению, по мнению С.Ш. Гаджиевой, можно отнести и владение с правом административного иммунитета. Получив земли пожизненно на срок, бек взимал с подвластного ему населения определенные подати и повинности и, кроме того, владел отдельными кутанами и пахотными землями [47, с. 216–217]. Такой формой передачи бекам отдельных селений для временного управления широко пользовались не только тарковские шамхалы и мехтулинские ханы, но и царская администрация в Дагестане, в особенности Ермолов [47, с. 217].

В изучаемый нами период в качестве условного землевладения феодалы дарили и горы. Так, в XIX в. казанищенский бек Биарслан-оглы получил от шамхала во временное пользование гору Алты-Тау. В дальнейшем потомок этого бека Мугеддин-Биарслан-оглы заявил о своих правах на указанную гору. Однако представители шамхала опротестовали это заявление, объяснив это тем, что гору эту дали отцу Мугеддина-Биарслан-оглы во временное пользование [48].

Условное землевладение, наряду с потомственным, занимало значительную часть всего земельного фонда в феодальных владениях [49].

Одной из распространенных форм землевладения в изучаемых нами феодальных владениях было мюльковое землевладение лично свободных узденей – общинников. Как пишет Р.М. Магомедов, «в Дагестане, как и в Азербайджане, этим термином, наряду с крестьянской наследственной собственностью обозначались ханские земли, земли беков и других феодалов, общинное владение и всякое недвижимое имущество» [50].

По мнению В. Линдена, «при издавна установившемся почти повсеместно в Дагестане подворно-общественном характере землевладения (в подворном – были усадьбы, сады и пахотные земли, – тогда как пастбища, сенокосы и леса составляют предмет общественного пользования), право собственности получило наивысшее развитие в отношении земель, состоящих в подворном владении и называемых «мюльками» [51]. «Мюльки» – как пишет далее В. Линден, – всюду образовывались путем обращения никому не принадлежащих или общественных неудобных земель в плодородные расчисткой их из-под леса, камня, болота или камыша, орошением их и т.п., причем для увеличения площади удобных земель приходилось прилагать упорный труд, нередко доставляя на малейшие каменистые выступы плодородную землю и удобрение на вьюках и на собственных плечах» [51]. В с. Эрпели по существующему обычаю общественная земля, занятая и расчищенная с разрешения общества, делалась собственностью расчистившего ее [52]. Поэтому индивидуально-семейная собственность (мюльк. – *А.Р.*) в первую очередь распространялась на пахотные и покосные участки [53]. Касаясь мюльков, М. Ковалевский писал, что «нельзя также считать исключительно дагестанским тот порядок, по которому впервые обработанная кем-либо земля становится собственностью возделывателя. Г. Гольдциер показывает, что такое правило известно было искони туземному населению Аравии, откуда и проникло в юридические трактаты отдельных мусульманских школ» [54]. Данное право было известно и другим народам Северного Кавказа. Однако в первой половине XIX в. это право почти на всем Северном Кавказе было ограничено правом преимущественной продажи земли родственникам, соседям и односельчанам [53]. Тем не менее, как писал В. Линден, «от этого существование прав населения на мюльки не менялось» [55, с. 290].

В изучаемых нами феодальных владениях мюльковое землевладение получило большое распространение. Так, около половины жителей с. Кафыр-Кумух имели в наследственном владении мюльки, самый большой из которых был 25 каб, а малый – 2 кабы [56, с. 60]. «...Передача по наследству (по правилам шариата), продажа, дарение и заклад этих мюльков всегда составляли право поселян (безразлично свободных или зависимых), распорядившихся своими подворными участками неограниченно», – писал В. Линден [55, с. 289]. Жители с. Кафыр-Кумух также имели право продавать свою недвижимость, «не спрашивая никого позволения» [56, с. 61]. Со-

гласно сведениям, в с. Эрпели всякий имел право продавать свою собственную землю [57]. Продажа земли была двоякая: продавался или только известный доход, например, право получения баранов с арендатора пастбища, или же продавалось полное право собственности на землю [58].

В селениях Бамматулинского и Эрпелинского владений женщины наравне с мужчинами могли самостоятельно владеть землей. Даже беки, всячески старавшиеся устранить женщин от наследства и таким образом получить выморочное имущество, вынуждены были признать действительность назра, сделанного в пользу женщин [59]. Правом владения землей обладали также женщины в селениях Охли, Кака-Шура, Параул [60] и Джунгутай [61]. Следует отметить, что в селениях Кафыр-Кумух, Параул, Джунгутай и в некоторых других женщины получили право владения землей с приходом русской власти (в первой половине XIX в. – А.Р.), когда вместо адата выморочного имущества был введен шариат [61].

В Кафыр-Кумухе земельной собственностью владели и чагары (по-видимому, перво-степенные. – А.Р.). Так, по словам старожиллов, в этом селении земли чагар были расположены на возвышенности до сих пор называющейся чагар-аркъя (аркъя – в пер. с кумыкского возвышенность. – А.Р.). Недалеко от Кафыр-Кумуха расположена и долина Кар-Кар, где жители этого села имели мюльковые земли. Следует отметить, что в этой местности бывают частые ветры, а лето отличается знойными днями. По этой причине горцы-отходники за работу там брали двойную плату с хозяев земли*.

Говоря об основном отличии мюлькового землевладения от условного и общинного, следует выделить принадлежность мюльков к наследственной и полной собственности своих владельцев. Мюльки можно было продать, подарить, передать по назру, завещать мечети. Передача мюльков в наследство происходила по шариату.

«Размеры частновладельческих крестьянских земель не были равны. Выделившиеся из общей массы свободного крестьянства уздени владели пахотными земляками, садами, покосами, пастбищами – землями, по своим размерам приближающимися к феодальному землевладению. Земельные участки основной массы крестьян в итоге наступления феодалов и феодализирующейся верхушки постепенно сокращались» [62].

Большое распространение у кумыков получило общинное владение землей, известное у народов Дагестана под названием джамаатской земли. Это земли, находившиеся в собственности общины как территориальной единицы, куда входили все члены данной общины. В эти земли входили пастбища, горы, выгоны, леса, которые являлись общинно-неделимыми, а также пахотные участки и сенокосы, которые подвергались периодическим переделам [63, с. 62].

«Во многих феодальных владениях как общественные земли, так и отведенные феодалами сельским обществам пахотные и покосные земельные участки периодически переделались или находились в подворном владении с правом передачи по наследству. Передел производился либо поровну между дворами, либо по числу плугов. Право первого выбора участка при переделах принадлежало феодалам, которые, в отличие от крестьян, получали не один, а несколько наделов, причем не по жребью, а по собственному выбору» [64].

В с. Кафыр-Кумух имелось небольшое выгонное место, принадлежавшее джамаату. Общество селения имело общее покосное неполивное место Карантай [63, с.

* Эти сведения записал у старожиллов с. Кафыр-Кумух в 1980-х гг. учитель родного языка местной школы краевед М.-Г.Д. Акаев.

64]. Другой частью местности Карантай, расположенной за Кафыр-Кумухом вверх по течению Атлан-озень, пользовалось общество с. Нижнее Казанище, которое имело там покосы и пастбища. Издавна общество с. Нижнее Казанище землю от Буглен-озени до Яман-Арка оставляло для пастьбы скота всех сельчан, а остальное пространство было разделено между всеми домами для покоса и уборки там сена для пастьбы осенью баранта [65, л. 181].

Горы под названием Аркас, Гертмелер, Бур Эне, Арилер и Каримбет принадлежали всему обществу с. Нижнее Казанище, которое разделялось на 5 аулов [65, л. 37]. Оно же претендовало на восточную часть горы Сепи-тау [65, л. 20], другой частью которой владело общество с. Буглен [65, л. 18]. Также общество с. Нижнее Казанище владело землями в местности Али-тала и Вали-тала [65, л. 21].

По издавна установившемуся, обычаю, жители изучаемых нами владений имели право пасти свой скот на чужих землях в течение известного периода времени года (сервитутное право). В большинстве случаев право это присваивали себе сельские общества в отношении кутанов, составляющих достояние беков, но известны также примеры пользования одним сельским обществом кутанами, принадлежавшими другому сельскому обществу. Так как кутаны в Мехтулинском, Бамматулинском и Эрпелинском владениях сдавались в аренду под пастьбу баранты, пригоняемой с наступлением осени из нагорных округов, где суровая зима и глубокие снега делали невозможным содержание и прокормление стада, то право пользования чужими кутанами совпадает с весенними и летними месяцами, когда они свободны от баранты. Время это определялось вообще от Чилля до появления звезды Туршу, т.е. примерно с 12 февраля до 1 августа [66]. Так, общество с. Халим-бек-аул издавна пользовалось на основании указанного выше права кутанами эрпелинских беков [67]. Таким же правом пользовалось и общество с. Нижний Дженгутай на Кир-яр-кутане [68, с. 204], а общество с. Параул на Идакум-кутане [68, с. 204]. Общество же с. Гелли обладало правом пасти общественные стада рогатого скота в течение трех весенних месяцев до наступления лета на нижнем Тувар-кутане, принадлежавшем нижеказанищенским чанкам [68, с. 202].

Основанием права на кутаны служило нахождение кутана на таком расстоянии от селения, которое позволяло в один день пригнать стадо на пастбище и к вечеру привести его обратно в селение. Доказательством же права пастьбы служила давность, подтвержденная свидетелями в установленном обычаями порядке [68, с. 202]. Вообще же кутан в Дагестане означал такую собственность, на которой предполагались усадьба, сады, пашни и покосы, одним словом полное отдельное внеаульское хозяйство [68, с. 212].

Частная собственность на землю создавала сложности при строительстве и расширении сети канав-татавулов. Чтобы провести новую канаву, поселяне должны были иметь специальное разрешение землевладельца, причем никто не имел права провести канаву через землю другого владельца без его согласия. Старые же каналы, временно заброшенные, прежней владелец мог возобновить, не спрашивая на то согласия владельца земли, через территорию которого они проходили, а в случае продажи земли это право сохранялось за новым владельцем. Проводящий канаву должен был вознаградить владельца земли, если канава затапливала или портила его земли; он, в свою очередь, не имел права пользоваться водой из данной канавы без согласия ее владельца. Без согласия владельца канавы никто не имел права брать воду и из ее

рукавов [69]. Хотя оросительная система, так же как и земля, находилась у кумыков в большинстве своем в руках феодалов, однако джамааты еще продолжали играть значительную роль. Так, например, в Кафыр-Кумухе имелась общественная канава «Уллубаш-татаул», выведенная из казанищенской речки. Распределением воды из нее заведовали старшины – карты. Жители давали бекам для полива полей третью часть воды от канавы [70]. Без разрешения общества никто не имел права устраивать хутора (махи) на общественной земле [71]. Обществу с. Эрпели принадлежали сенокосные места: Чапчакъ къол, Мукула, Мичат, Чумгесек, Галанджар, Тирменлик, Атлан Чум, Окадар [72]. Считалось, что предки нижнедженгутаяевцев первоначально основали с. Верхний Дженгутай, а затем, найдя лучшее место, переселились и образовали с. Нижний Дженгутай. Прежнее место было заброшено и долго оставалось никем не занятым, а потом было заселено. В силу этого нижнедженгутаяевцы сохранили исключительное право на воду с. Верхнего Дженгутая [73]. У общества с. Нижнее Казанище было пастбищное место на расстоянии 20–25 верст от села, которое оно сдавало в аренду жителям других обществ, ввиду того что жителям своего общества невозможно было пользоваться пастбой на тех же землях [74, л. 181].

Вблизи селений Темир-Хан-Шура, Нижнее Казанище и Муслим-аул была расположена упомянутая нами ранее местность Карантай, представлявшая собой обширное плато. Селение Муслим-аул, образовавшееся в самостоятельное селение отделением в очень давнее время нескольких домов от с. Нижнее Казанище и состоявшее из 130 домов (в нач. XIX в. – *А.Р.*), лишь в некоторых местах имело общие с с. Нижнее Казанище пахотные и пастбищные места на Карантае. Иначе говоря, Нижнее Казанище позволяло Муслим-аулу как своему отселку пользоваться землей на Карантае, однако никогда не признавало муслимаульцев собственниками тех мест, которые они сами занимали [74, л. 161]. Общество с. Муслим-аул пользовалось правом пастбы общественного скота и сенокоса в Карантае в границах начиная от речки Буглен до оврага Лаван-кол [74, л. 161].

Следует отметить, что с. Нижнее Казанище было очень богато земельными угодьями. Так, согласно сведениям, сообщенным жителями с. Нижнее Казанище сословно-поземельной комиссии, обществу их «с незапамятных времен» принадлежали местности под названием: Сапар-Али, Темир-кою, Уллу-Алтау, Киччи-Алтау, Кази-Керчень, Эки-ара, Уллу-Сариа-гач, Киччи-Сарлагач, Герменчик и Туралинское соляное озеро [74, л. 3]. Селения Нижнее Казанище и Буглен имели в совместном владении земли: Ганнур, Боютуп, Башлар, Чашли-Бел, Улу-Суу, Сыйли-Гол, Элмели-Гол, Сувлу-Гол, Хайвалы-Гол и Карантай. Что касается Карантая, то Буглену принадлежала его пятая часть [75], остальная же часть, как упоминалось выше, принадлежала обществу с. Нижнее Казанище. Этому же обществу принадлежали также местность Тогай, находившаяся около Бугленской речки, и местность Карамау. Оно владело также и лесом Али-Тала. Кроме того, обществу селения Нижнее Казанище принадлежало право пользования лесом, растущим на горах под названием: Узун Бут, Апке, Чатыр-урган, Экиарка, Огуз Тау, Шамшамекъ, Ярсы бут, Уркат, Ака-Атау и Илхи-Тау [76].

Согласно местным адатам, в изучаемых нами владениях в прежние времена леса составляли общее достояние и каждый пользовался ими где и как хотел [77]. Жители селений Буглен, Муслим-аул, Кафыр-Кумух и Халим-бек-аул пользовались лесами Алли-Талар, Ургели [78]. Общество с. Халим-бек-аул обладало сервитутным пра-

вом на вырубку леса в местностях под названием Идрис и Каранай-Гумбек [79]. Общества селений Нижнее Казанище, Огли, Апши, Дургели, Кадар и Дуранги пользовались правом свободного входа и вывоза дров из леса по установленным билетам (билеты – свидетельства выдавались царской администрацией. – *А.Р.*) в местностях Апши-Кам, Арахкент, Тапага-Мербилан, Хашада, Бухмабажа и Чабат [80].

К началу XIX в. в кумыкских феодальных владениях, равно как и в других феодальных владениях Дагестана, феодальные нормы стали основой системы земельно-правовых отношений, общинные же нормы сохранились лишь благодаря своему приспособлению к феодальным принципам землевладения [81, с. 96].

Особой формой феодального землевладения в Дагестане была вакуфная собственность на землю, т.е. земельная собственность мечетей. Источником образования вакуфных земель были завещания, пожертвования со стороны верующих, которые передавали в собственность мечетей пахотные, сенокосные, пастбищные земли [81, с. 95].

В других мусульманских странах (например, в Средней Азии) вакуфы составляли одну из главнейших частей феодального землевладения. Однако, как отмечал С.В. Юшков, «к числу особенностей дагестанского феодализма относится то, что вакуфов было мало и вакуфы были незначительны». Земельные участки, принадлежавшие мечетям, не превышали участков зажиточных узденей [82]. «Вакуфная собственность была распространена в двух видах. К первому виду принадлежали земли, бывшие в непосредственном распоряжении мечетей, которые сдавали их в аренду отдельным лицам. Ко второму виду относились земли, которые оставались в пользовании наследника дарителя, и он обязан был вносить в мечеть определенную завещателем долю урожая или продуктов животноводства» [83]. Вероятно, аналогичная картина была и в исследуемых нами владениях.

В период колониальной политики царизма на Кавказе в Дагестане появились государственные, или казенные земли. «Основным источником образования фонда казенных, или государственных земель были конфискованные имения отдельных владельцев, а также земли, принадлежащие сельским обществам» [84]. Такие земли имелись и в Мехтулинском ханстве, хотя и в незначительном количестве [85]. Согласно мнению С.Ш. Гаджиевой, государственное землевладение по сравнению с феодальным землевладением было незначительным [86].

Приведенные выше данные, касающиеся специфики земельно-правовых отношений в Бамматулинском, Мехтулинском и Эрпелинском владениях, позволяют сделать ряд общих выводов:

1. В изучаемых нами феодальных владениях имелись различные виды земельной собственности, схожие по своей форме с таковыми в других дагестанских ханствах. В то же время в них имелись и свои специфические особенности. Так, если в Нагорном Дагестане в силу естественно-географических условий основным видом земель, находившихся в собственности аварских и казикумухских ханов, были пастбищные горы и отдельные пастбищные места [87], то в расположенных в предгорной зоне Дагестана Бамматулинском, Мехтулинском и Эрпелинском владениях феодальное землевладение охватывало все категории земель: пахоты, сенокосы, леса, сады, зимние и летние пастбища, кутаны. Так, для примера можно сослаться на Мехтулинское ханство, где у хана Ахмеда имелось шесть кутанов и двадцать две пастбищные горы, доставшиеся ему по наследству, к которым он добавил еще и один кутан, купленный у кафыр-кумухского Эльдар-бека [88]. В исключительной собственности карачи-беков

Эрпели, Ишкарты и Караная имелись пашни, кутаны и пастбищные горы [89]. Крупные землевладения принадлежали и карачи-бекам Кафыр-Кумуха [90].

2. Большие земельные угодья, которые имелись у первостепенных узденей в исследуемых нами владениях, способствовали процессу их сближения с основными группами феодалов уже в XVII в., о чем свидетельствуют документы того периода [91].

3. Преобладающими видами ренты в исследуемых нами владениях являлись натуральная и отработочная. Что касается последней, то ее усиление приходится на период завоевания Дагестана царизмом, когда она все более и более вытесняла другие виды ренты путем установления новых повинностей – сначала как временных, а затем превратившихся в постоянные. Как писал С.В. Юшков, «этот быстрый процесс возникновения крепостничества, несомненно, совершался под влиянием русских крепостнических порядков. Русские колонизаторы в особенности покровительствовали мехтулинским ханам (как и другим дагестанским феодалам), стремясь превратить их и в своих агентов» [92]. Денежная рента, которая являлась «последней и высшей формой феодальной ренты, ставшей в своем дальнейшем развитии формой ее разложения» [93], в исследуемых нами владениях была распространена лишь в селениях Параул, Дургели, Верхнее Казанище [94], а также в Кафыр-Кумухе [95].

Нужно отметить, что наличие различных видов ренты не было явлением, присущим лишь феодальным владениям Дагестана. Аналогичную картину можно было наблюдать и в странах Европы. Так, в частности, как пишет Я.Д. Серовайский, «величина ренты, взыскивавшейся феодальными господами с крестьян, как правило, не зависела от размеров крестьянских наделов. Обычно не существовало единого общего уровня эксплуатации крестьян не только в масштабах страны, но и в пределах области, даже одной сеньории: формы и размеры ренты бесконечно варьировали. Единообразие рент, взимаемых феодалами с крестьян, населявших одну деревню, было кажущимся: одинаковые платежи и повинности должны были платить крестьяне, имевшие наделы неодинакового размера и качества и семьи различного состава» [96].

4. В отличие от засулакских кумыков, у которых мюльки имелись в незначительном количестве [97], в Бамматулинском, Мехтулинском и Эрпелинском владениях мюльковое землевладение получило значительное распространение. Как пишет Р.М. Магомедов, «по всем своим признакам этот вид собственности напоминает встречаемую при феодализме в странах Западной Европы крестьянскую аллодиальную земельную собственность» [98]. Однако эта форма землевладения, как мы уже отмечали ранее, была присуща как феодальному сословию, так и лично свободным узденям-общинникам. На наш взгляд, основное различие между мюльковым землевладением беков и других феодалов и таковым владением узденей состояло в размере этих мюльков, так как у феодального сословия мюльков было, безусловно, больше.

Анализ источников позволяет нам утверждать, что и к началу XIX в. в изучаемых нами владениях мюльковое и общинное землевладение продолжало играть значительную роль, в то время как «в феодальных владениях засулакских кумыков, – как пишет С.Ш. Гаджиева, – примерно к XVIII в. уже не было общинного землевладения» [99, с. 213]. «В Засулакской Кумыкии князья открыто настаивали на полном и безусловном признании за ними собственности на всю земельную площадь», – пишет далее С.Ш. Гаджиева [99, с. 214].

В изучаемый период в Бамматулинском, Мехтулинском и Эрпелинском владениях различалось шесть видов земельной собственности: 1) крупное феодальное землевладение, 2) мелкое феодальное землевладение, 3) условное землевладение, 4) мюлько-

вое крестьянское землевладение, 5) общинное землевладение, 6) мечетское землевладение (вакф). Наиболее существенными видами землевладения являлись крупное феодальное, крестьянское мюльковое и общинное.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Дагестана. Т. 1. М., 1967. С. 247–248.
2. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Кн. первая. Махачкала, 2000. С. 81.
3. Мехтулинские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1869. М., 1992. С. 3.
4. *Юшков С.В.* К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане // Учен. зап. Свердловск. гос. пед. ин-та. Вып. 1. Исторический. Свердловск, 1938. С. 69.
5. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX века. Махачкала, 1957. С. 387.
6. *Алиев Б.Г.* Формы землевладения в Дагестане в XVII–XVIII вв. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа : Регион. науч. конф. Махачкала: Изд-во ДагФАН СССР, 1980. С. 45–46.
7. *Акбиев А.* Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998. С. 46.
8. Мехтулинские ханы. С. 2.
9. Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX вв. : архивные материалы / сост., предисл. и примеч. *Х.-М.О. Хашаева*. М., 1969. С. 48.
10. *Алиев Б.Г.* Земледелие и землевладение в позднефеодальном Дагестане. Махачкала, 2014. С. 295.
11. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 43.
12. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. / сост. *Р.Г. Маршаев*. Махачкала, 1958. С. 138.
13. Мехтулинские ханы. С. 3.
14. *Алиев Б.Г.* Частнофеодальное (бекское) землевладение в Дагестане в XV–XVII вв. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 28–31, 33.
15. *Линден В.* Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь. 1917. С. 286.
16. *Магомедов Р.М.* По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. Вып. 1. С. 14.
17. Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 1.
18. *Акбиев А.* Кумыки. С. 50.
19. *Алиев Б.Г.* Крупное феодальное и мечетское землевладение в Дагестане в XV–XVIII вв. // Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 264. Л. 45.
20. *Гусенов М.У.* Шамхальство Тарковское в системе феодальных государственных образований на Северном Кавказе в XVII – начале XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1996. С. 13–14.
21. Новые материалы по истории сословно-поземельных отношений в дореволюционном Дагестане // Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 12.
22. Земельные отношения в дореволюционном Дагестане // Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН, Ф. 1. Оп. 1. Д. 518. Л. 116–117.
23. Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН, Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 12.
24. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988 (далее – ИНСК). С. 103.

25. История кумыков до XIX века // Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 12.
26. *Линден В.* Указ. соч. С. 293.
27. *Акбиев А.* Кумыки. С. 56.
28. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Кн. первая. С. 183.
29. Из истории права народов Дагестана / сост. *А.-С. Омаров.* Махачкала, 1968. С. 206–207.
30. Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 104.
31. *Мансуров Ш.И.* Салатавия. Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII– первой половине XIX в. Махачкала, 1995. С. 72.
32. *Шихалиев Д.-М.* Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993. С. 43.
33. История Дагестана. М., 1968. Т. II. С. 43.
34. *Гаджиева С.Ш.* Земельные отношения у кумыков в первой половине XIX в. // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана / Даг. филиал Акад. наук СССР, Ин-т истории, языка и литературы. Махачкала, 1954. С. 18.
35. Мехтулинские ханы. С. 4–5.
36. *Алиев Б.Г.* Структура класса феодалов и формы феодального землевладения в Дагестане в XVII – первой половине XIX в. М., 2011. С. 469.
37. *Акбиев А.* Кумыки. С.75.
38. Очерки истории Дагестана. С. 108.
39. *Акбиев А.* Кумыки. С. 76.
40. *Юшков С.В.* Указ. соч. С. 80.
41. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / сост. *Е.Н. Кушева.* М., 1957. Т. 1. С. 269.
42. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Кн. первая. С. 187, 215–216.
43. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана. С. 389–390.
44. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Кн. первая. С. 216.)
45. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана. С. 388–389.
46. *Хашаев Х.-М.О.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 211.
47. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Кн. первая. С. 216–217.
48. Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 192. Л. 6–8.
49. Очерки истории Дагестана. С. 195.
50. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана. С. 390.
51. *Линден В.* Указ. соч. С. 289.
52. Из истории права народов Дагестана. С. 199.
53. ИНСК (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 96.
54. *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890. С. 227.
55. *Линден В.* Указ. соч. С. 289–290.
56. *Акбиев А.* Кумыки. С. 60–61.
57. Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп. 1. Д. 258. Л. 87.
58. Из истории права народов Дагестана. С. 201.
59. *Акбиев А.С.* Общественный строй кумыков в XVII–XVIII веках : дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2000. С. 127.
60. Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 258. Л. 81.
61. *Хашаев Х.-М.О.* Указ. соч. С. 235.
62. ИНСК (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 96.
63. *Акбиев А.* Кумыки. С. 62, 64.

64. Очерки истории Дагестана. С. 195–196.
65. Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 192. Л. 181.
66. Из истории права народов Дагестана. С. 202.
67. *Хашаев Х.-М.О.* Указ. соч. С. 213.
68. Из истории права народов Дагестана. С. 204.
69. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Кн. первая. С. 220.)
70. *Акбиев А.С.* Общественный строй кумыков в XVII–XVIII веках. С. 127–128.
71. Из истории права народов Дагестана. С. 200.
72. Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 192. Л. 35.
73. Из истории права народов Дагестана. С. 214.
74. Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 192. Л. 161, 181.
75. Там же. Д. 193. Л. 3.
76. Там же. Д. 192. Л. 3.
77. Из истории права народов Дагестана. С. 205.
78. Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 192. Л. 18.
79. *Хашаев Х.-М.О.* Указ. соч. С. 214.
80. Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 193. Л. 4.
81. ИНСК (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 95–96.
82. *Юшков С.В.* Указ. соч. С. 70.
83. ИНСК (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 95.
84. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Кн. первая. С. 218–219.
85. История Дагестана. М., 1968. Т. II. С. 45.
86. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Кн. первая. С. 214.
87. *Алиев Б.Г.* Крупное феодальное землевладение и формы земельной ренты в Нагорном Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. // Вестн. Даг. науч. центра. 2016. № 3. С. 6.
88. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана. С. 397.
89. История Дагестана. М., 1968. Т. II. С. 46.
90. *Акбиев А.* Кумыки. С. 50.
91. Очерки истории Дагестана. С. 108.
92. *Юшков С.В.* Указ. соч. С. 68.
93. Советская историческая энциклопедия. М., 1964. С. 656.
94. Земельные отношения в дореволюционном Дагестане // Науч. архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 516. Л. 116–117.
95. *Хашаев Х.-М.О.* Указ. соч. С. 211.
96. *Серовайский Я.Д.* К вопросу о возрастании ренты при феодализме // Учен. зап. Казах. гос. ун-та им. С.М. Кирова. Сер. ист. 1957. Т. 31, вып. 3. С. 95. (Цит. по: *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высш. шк., 1970. С. 50.)
97. *Акбиев А.* Кумыки. С. 60.
98. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана. С. 390.
99. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Кн. первая. С. 213–214.

Поступила в редакцию 02.02.2018 г.
Принята к печати 26.09.2018 г.